

Статья посвящена исследованию семантико-синтаксического инварианта родительного падежа в современном удмуртском языке в рамках общей теории падежных значений. На материале примеров из художественной литературы проанализированы формы и способы выражения атрибутивных и предикативных посессивных отношений, выявлены особенности актуализации агентивных значений посредством родительного падежа.

Ключевые слова: финно-угорские языки; удмуртский язык; система склонения; генитив; посессивные отношения; агентивное значение.

This article will explore the semantical-syntactic invariant of the genitive in the contemporary Udmurt language. It is built on the general theory of case meanings. Making use of belletristic samples, the ways for expressing attributive and predicative possessive relationships and forms are analysed. Peculiarities in the realisation of the agentive meanings by the use of the genitive are observed.

Key words: Finno-Ugric languages; Udmurt language; declination system; genitive; possessive relations; agentive meaning.

Н. В. Кондратьева

*Удмуртский государственный университет
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru*

Семантическая структура родительного падежа в современном удмуртском языке

Научная статья

N. V. Kondratyeva

*Udmurt State University
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru*

Semantic Structure of the Genitive in the Contemporary Udmurt Language

Scientific article

Система склонения современного удмуртского языка представлена 15 членами падежной парадигмы. В этом ряду одним из полифункциональных падежей является родительный падеж (генитив), маркируемый суффиксом *-лэн*. По своему происхождению исследуемая форма относится к вторичным падежам, а его морфологический маркер, как отмечает большинство исследователей финно-угорских языков, образовался путем слияния словообразовательного суффикса *-l* с внешнеместным значением с финно-угорским *-nal/-nä* локативом [1].

1. В отличие от формальных показателей первичных падежей, генитивные маркеры принимают постпозитивное положение по отношению к личнопотряжательным суффиксам: *Пумыз-йылыз öвёл та васьконэлэн* (С. Матвеев). «Нет конца и края этому спуску (букв. моему спуску)». Следует заметить, что при выражении атрибутивных посессивных отношений в удмуртском языке возможно употребление двойного или тройного генитива. Как правило, для подобных конструкций характерны регрессивные линейные отношения, где генитивные опреде-

ления предшествуют определяемому слову: *Эх, макем кельше мыным Блиновлэн романэлэн нимыз!* (С. Матвеев). «Эх, как мне нравится название романа Блинова»; *Группалэн старостаэлэн Маши Ивановалэн кичёлтэмезъя, туннэ эктонъёс но шудонъёс орчытыны малпазы* (Г. Грязев). «По инициативе старосты группы Маши Ивановой сегодня было решено провести танцы и игры».

2. В современном удмуртском языке родительный падеж отличается широтой семантической структуры. Прежде всего это выражение посессивных значений, в основе которых лежат отношения обладания, принадлежности и партитивности. Целесообразно разграничивать атрибутивную и предикативную посессивность.

2.1. Атрибутивная посессивность.

Вступая в атрибутивные отношения с именами существительными, генитивные формы участвуют в выражении следующих отношений принадлежности:

2.1.1. Принадлежность части к целому или неотчуждаемая (неотторжимая) принадлежность.

В данном случае речь идет о стабильных, семантически однозначных взаимоотношениях таких объектов, которые имеют максимально тесную, нерасторжимую связь друг с другом, реализуемую как:

- отношение между человеком (лицом) и его физическими составляющими: *Бековлэн сюлмыз өжыт буйгаз кадь* (М. Лямин). «Сердце Бекова немного смягчилось»; *Оялэн бамгёсыз уката жуаны кутскизы* (М. Лямин). «Олины щеки начали гореть еще сильнее»;

- отношения между человеком (лицом) и а) его психологическими составляющими (характером, мыслями, убеждениями, настроением др.); б) константами, относящимися к деятельности частей тела и внутренних органов (голосом, походкой, зрением, слухом, обонянием; здоровьем, аппетитом и др.); в) константами, связанными с интеллектуальной деятельностью человека (речью, почерком, способом мышления и др.); г) константами, характеризующими тело человека и его части с точки зрения физических показателей (размером, весом, внешним видом и др.); д) абстрактными категориями и др.: *Муртлэн визьтэмез серекъятэ* (Р. Хайдар). «Чужая глупость вызывает смех, своя – слёзы»; *Иськанлэн улон колёсаез огсыр берганы өдъяз* (Р. Хайдар). «Жизнь Иськана понеслась своим чередом»;

- указание на составные части предмета, вещи: *Вамыштійськом часлэн стрелкаосызлы пумит: бур паласен паллян пала* (С. Матвеев). «Мы идем против часовой стрелки: справа налево»; *Мон машиналэн кузоваз туби* (С. Матвеев). «Я взобрался на кузов машины»;

- указание на сегментные единицы процесса, явления: *Вагон питрангёслэн огсыр туккетэмзы гинэ сюлме йыга кадь* (С. Матвеев). «И только монотонный стук вагонных колёс словно стучит в сердце»; *Люкиськон – со пумиськонлэн кутсконэз* (С. Матвеев). «Расставание – это начало встречи»;

- указание на предмет, часть как на единицу составной совокупности: *Частысь потыса, Барнауллэн урамгёстий поръяй* (С. Матвеев). «Выйдя из части, я бродил по улицам Барнаула»; *Төдъы буёл – пөртэм буёло тыльгёслэн ваче вуэмзы* (С. Матвеев). «Белый цвет – это слияние различных цветов»;

2.1.2. Выражение отчуждаемой принадлежности.

К отчуждаемым объектам обладания следует отнести «такие предметные, одушевленные и абстрактные сущности, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или весьма вероятными для человека вообще» [2]. В

системе современного удмуртского языка отношения отчуждаемой принадлежности включают в себя следующие разновидности взаимоотношений:

- указание на лицо, с которым коррелирует находится в родственных отношениях: *Ильялэн кышноез кылем гужем кулйз* (Н. Самсонов). «Жена Ильи умерла прошлым летом»; *Микилэн мумиз нбыль нылпиен палкышно кылиз* (М. Лямин). «Мать Микки осталась вдовой с четырьмя детьми на руках»;

- указание на лицо, с которым коррелирует находится в определенных социальных отношениях (например, дружеских, приятельских, соседских и др.): *Оялэн эшез азылань вамыштыны шөтаз* (М. Лямин). «Олина подруга решила пройти вперед»;

- принадлежность коррелята посессору в качестве личной собственности. Как правило, в этом случае в роли посессора выступает лицо/лица, а в роли коррелята – неодушевленный предмет: *Муртлэн дөдъяз кыдёке уд вуы* (Е. Загребин). «На чужих санях далеко не уедешь»; *Собере шумпотй, койкыкёс туж зол вортто, нош пйшурасьёслэн пуляоссы соосты шедьтыны уг быгато шуыса* (С. Матвеев). «Я очень обрадовался, что лоси мчатся так быстро, что пули охотников их не достигают»;

- отношения коррелята и посессора на функциональной основе. Данное значение может актуализироваться в различных ипостасях, например, как: а) указание на лицо, в подчинении которого находится определенный коллектив, организация, лицо: *Кык атасьёс кадь вырисьёс өз но шөдэ, кызы кабинетэ Иван Ивановичлэн секретарез пыриз* (Г. Грязев). «Два споривших товарища и не заметили, как в кабинет вошел секретарь Ивана Ивановича»; б) указание на коллектив (организацию), в состав которого входят лицо или подразделение: *Кенешез усьтыса вераськиз колхозлэн председателез* (Р. Хайдар). «Собрание открыл председатель колхоза» и др.; в) указание на структурную единицу организации: *Магазиньсь потэм берам театрлэн кассаяз вамыштй* (Р. Хайдар). «Как только я вышел из магазина, я направился к театральным кассам» и др.;

- выражение актанта отношений. Данное значение актуализируется в тех случаях, когда при выражении посессивных отношений дается указание на автора-создателя произведения / вещи: *Тодоно, дыр, мон Ницшелэн кыльёсыныз вераськи шуыса* (С. Матвеев). «Наверное, надо знать, что я говорил словами Ницше»; *Аръёс ортчыса, Андрейлэн гожтэтгёсыз шергес но шергес вуылыны кутскизы* (Л. Нянькина). «С годами письма от Андрея стали приходить все реже и реже»; *Чузьяськиз*

Чайковскийлэн «Арлэн вакытьёсыз» крезьгурез (Л. Нянькина). «Донеслась симфония Чайковского "Времена года"»;

- указание на эталон сравнения при послеложных формах. В пермских языках послелог в большинстве случаев выступает в сочетании с номинативной словоформой, что объясняется формированием послеложных конструкций в исследуемых языках на основе модели посессивных конструкций немаркированного синтаксического типа: *Городо вадьсы пеймыт лэзиське* (Р. Хайдар). «Над городом расстилается мгла». Как отмечает исследователь Г. А. Некрасова, «конструкции с генитивной словоформой проявляются преимущественно при сравнительных послелогах» [3]. Однако здесь необходимо подчеркнуть, что удмуртские сравнительные послелогии *кадь*, *сямен*, *музэн* употребляются в контексте с именами существительными в родительном падеже лишь в том случае, если генитивные формы участвуют в выражении посессивных отношений и относятся к именам, маркированным лично-притяжательными суффиксами. Как правило, в роли посессора и коррелята в данном случае могут функционировать имена существительные любого лексико-грамматического разряда: *Чорыглэн кадь кезьыт, лэся, мынам виры* (С. Матвеев). «Мне кажется, что моя кровь холодна как рыба кровь». В случае отсутствия посессивных отношений, характерно функционирование имени существительного в основной форме: *Сяськаос шуиськом ке, туж трос пёртэм чошатоньёс тодамы лыкто: сяськао кадь мусо, сяськао кадь чебер, сяськао кадь ненег* (Е. Загребин). «Когда мы произносим слово цветок, сразу вспоминаются различные сравнения: милый как цветок, красивый как цветок, нежный как цветок».

Таким образом, атрибутивные посессивные отношения, выражаемые родительным падежом, в современном удмуртском языке могут указывать на три типа посессоров (одушевленный, предметный, абстрактный). В зависимости от типа посессора и коррелята актуализируемые посессивные связи могут выражать отношения часть – целое, отношения родства, собственности, принадлежности по функции, отношение по признаку. Обязательным условием функционирования данного типа отношений является наличие в предложении (или контексте) посессора и коррелята.

2.2. Предикативная посессивность.

В прилагательной позиции удмуртский генитив выражает такие формы посессивных отношений,

характер которых определяется взаимодействием лексической семантики вербальной единицы и значениями именной формы. В этом случае центр притяжательных отношений составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены три элемента посессивной ситуации: члены реляции – посессор (Р), маркируемый генитивными формами, и объект обладания (О), представленный номинативными формами, а также реляционный предикат. В отличие от самодийских языков, где в качестве предикативной посессивности широко представлены *habeo*-конструкции, пермские языки относятся к *Esse*-языкам [4]. Так, в удмуртском языке в качестве глагола-связки выступают лексемы *вань / өвёл* «есть / нет»; *вал / ой вал* «был(а, о, и) / не был(а, о, и)»; *луэ / уг луы* «бывает, не бывает»; *вылэм / вылымтэ* «был(а, о), оказывается / не был(а, о), оказывается»; *луоз / уз луы* «будет / не будет»: *Бен, кебыт вал Костялэн мылкыдыз* (Г. Перовошиков). «Да, настроение Кости было невеселым». *Вазь сяськалэн емышез уг луы* (Г. Перовошиков). «У раннего цветка плода не бывает».

Как отмечают исследователи, предикативные посессивные отношения чаще всего являются «отношением направленным: посессор рассматривается как ориентирующий элемент, а объект обладания – как ориентируемый (обладаемое логически подчинено обладателю)» [5]. Тем не менее в зависимости от актуального членения предложения предикативные посессивные отношения в удмуртском языке могут быть представлены как с точки зрения посессора: *Кион Олеослэн (Р) няньзы (О) вань* (М. Лямин). «У Кион Оле хлеб есть», так и с точки зрения объекта обладания: *Пинальёсыз (О) өвёл Гранялэн (Р)* (Н. Самсонов). «Детей нет у Грани»; *Тросэз ёзьёсыз (О) өвёл ни Леканлэн (Р)* (Н. Самсонов). «Многих сверстников уже нет у Лекана».

2.3. Агентивное значение.

Данное значение как разновидность посессивных отношений содержит указание на действия, выполняемые посессором, или события, в которых он принимает участие. Как правило, имена существительные, маркированные формами родительного падежа, в этом случае указывают на лицо, являющееся непосредственным производителем действия или вовлеченным в него участником: *Со ук луиз Иськанлэн Верокен тодматскемез* (Р. Хайдар). «Так Иськан познакомился с Верой (букв. это и стало знакомством Иськана с Верой)».

Учитывая, что признак агентивности чаще всего определяется на основе ядерной предикативной связи

по отношению к глаголу или другой вербальной форме, в исследуемом значении генитивный компонент может употребляться в следующих позициях:

- при атрибутивных причастиях: *Ладьмерлэн дасям пуэз кемалась быриз ни* (Р. Хайдар). «Дрова, приготовленные Ладьмером, уже давно сгорели»; *Дракулалэн улэм шаераз мынйсько* (С. Матвеев). «Я иду в те края, где жил Дракула»;

- при отглагольных именах существительных: *Ивановлэн кенеш сётэмез ваньмызылы яраз* (М. Коновалов). «Всем понравился совет Иванова»; *Кемалась ини Петырлэн табань сиемез* (М. Лямин). «Уже давно Петр не ел табани»; *Осьылэн Иже вуылэмез дырысен ог кык ар вань ни, дыр* (Л. Нянькина). «С тех пор, когда Осьип в последний раз бывал в Ижевске, наверное, уже прошло около двух лет»;

- в структуре составных глагольных конструкций с вербальными формами *потэ / уг (öз, уз) поты* «хочется / не хочется» и *луэ / уг (öз, уз) луы* «может / не может»: *Нош ик сиемез потыны кутскиз, дыр* (Л. Нянькина). «Она, наверное, снова проголодалась»; *Пеймыт уйёсы Андрейлэн умме усемез öз луылы* (Л. Нянькина). «По ночам Андрею не спалось».

3. Кроме вышеперечисленных посессивных отношений, удмуртский генитив может принимать участие и в выражении пространственных значений. В этом случае имена, маркированные формами родительного падежа, выступают в роли ориентира, по отношению к которому констатируется местонахождение другого предмета: *Тани сюреслэн паллян палаз кыче ке юрт сылэ* (С. Матвеев). «Вот слева от дороги (букв. от моей дороги) находится какой-то дом»; *Коркалэн паллян урдэсаз шырчик уморто шуккемын* (Г. Грязев). «С левой стороны над воротами прикреплен скворечник»; *Сюреслэн кыкнапалаз ик, радэн-радэн сылйсь солдатъёс музэн, пужымъёс*

кылдйзы (Г. Грязев). «Вдоль дороги с обеих сторон простираются сосны, словно солдатские ряды».

С точки зрения большинства финно-угроведов, именно пространственное значение пермского генитива является первичным. Однако родительный падеж «довольно рано начал выражать посессивное значение, которое постепенно стало ведущим и вытеснило первичное локальное значение» [6].

Итак, попытаемся подытожить наши наблюдения. Представляется, что дистрибуция имени существительного в форме родительного падежа в системе современного удмуртского языка тяготеет либо к выражению посессивных отношений, либо к актуализации пространственных значений. В зависимости от семантико-синтаксических связей посессора, объекта обладания и реляционного предиката в пределах предложения/высказывания можно выделить атрибутивные, предикативные и агентивные типы посессивности.

Список использованной литературы

1. Некрасова Г. А. Система *l*-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика / Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2002. С. 8–57; Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen rundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. S. 177–179;
2. Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. С. 61.
3. Некрасова Г. А. Указ. соч. С. 47.
4. Хонти Л. «Habere» «по-уральски» // *Linguistica Uralica*. XLIV. 2008. № 3. С. 161–177.
5. Чинчлей К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб: Наука, 1996. С. 101.
6. Некрасова Г. А. Указ. соч. С. 51.